

Андрей Орехов

г. Самара

Комаренье

Комарильи эскадрильи
Очень смелых комарят
Комарянку комарили
И летели на Багдад.
Самый старый комарище,
Мистер Зузухлюпохлоп,
Широко раскрыв глазища
Пропищал, наморщив лоб:
– Пейте кровь и ешьте суши,
Комарята, комары!
Да спасутся Ваши души
От сетей дневной жары!
Да пребудет комаренье
С честным войском комаров,
Словно в погребке варенье,
Ешьте суши! Пейте кровь!
Загудели комарята,
Раззуделись хоботки,
– Нам не надо до Багдада,
Спят туристы у реки!
Снизойди к нам вдохновенье!
Эскадрильи дружно в бой!
Да пребудет комаренье
И с тобою, и со мной!

Гиперфантазия

Червячишко мужичишку чокнул прямо
за боцишко,
Мужичишка сразу чухнул и в избушку
чпок-чпок-чпок!

– Попрыгушка мужичишко! – Чохнул
мерзкий червячишко.
– Только чпокни из избушки и тебе
придёт ценок!
Мужичишко не простишка!
Не наившнейший мальчишка!
В сундуке хранит ружьишко и походный
котелок!
Он застрелит червячишку, сварит из него
супишко,
И польётся из избушки ароматнейший
парок.

В голове растут прорабы

В голове растут прорабы,
А вчера росли грибы,
Не грибы, а баобабы,
И не бабы, а бобы.
Лучше бы цвели арабы
И кубанились сады!
Только вот растут прорабы,
Как бы не было беды.

Весенняя какофония

Кричали женщины: Ура!
А я шептал: ару.
Дрова пропели у двора
Хвалебну топору.
Мычала коровенка: Му!
А птичка: Плик! Плик! Плик!
Мычал, но что – я не пойму,
Напившийся мужик.
Он на траве лежал густой
Под ивовым кустом.
И в голове его простой
Звучало: Бом! Бом! Бом!
А рядом ручеек журчал,
Цвела весна вокруг.
И даже филин по ночам
Кричал: Ух-ух! Ух-ух!

Осенняя меланхолия

Хандрей Андрей! Настала осень,
Ветра становятся всё злей.
В лесах в чаду любовном лоси.
Хандрей Андрей!
Уже заснули в норах осы,
А по утрам всё холодей.
Еще чуть-чуть и вот морозы,
Хандрей Андрей!
Хандрей – так мысли напевают.
Андрей – им сердце в такт стучит,
И черным облаком летают
Над головой моей грачи.
Что осень, сырость и ненастье,
Когда вдвоём вдвойне теплей,
Но не вдвоём я, вот несчастье.
Хандрей Андрей!

Корея

Корейцы во всём виноваты –
Мне слышалось ночью и днём,
Они ведь такие ребята,
Виновны корейцы во всём.
От Фресно до города Ельцы
Идёт по планете молва:
Во всём виноваты корейцы –
Такая вот нынче халва.
Корея, Корея, Корея...
Я рифму хочу подобрать,
Но слово приходит такое,
Мне стыдно его написать.
Мы все поголовно греховны,
Под солнцем единым живём,
Но всё же корейцы виновны,
Виновны корейцы во всём.

Неспокойное

Шум чужих голосов в голове моей плещет,
Словно свора голодных разъяренных псов,
Неумолчный, и лай его резче и резче.
Я сжимаюсь в комок в этом шуме чужих
голосов.

Чтоб быть честным с собой в переменчивом
мире,
Надо прямо летящей стрелой жить, а лучше
не жить.
Но плутает мой путь, и дорога то уже, то шире,

Лишь огонь, что внутри продолжает
нешадно светить.

Мне бы дом и семью, вот была бы
для сердца отрада!
Ян сливается с Инь, равновесие чашек весов.
Может быть, это всё что для счастья мне
надо.
А преграда одна – шум чужих голосов.

Фантазии

на тему китайцев

Распоясались китайцы,
Стали ростом ниже пальца,
Нарожали триллионы
Малорослых китайчат,
И теперь они повсюду:
Даже в брюхе у верблюда!
Даже на крыле вороны
И на лапках у зайчат!
Всюду, всюду китайчонки –
Желтокожие мальчонки,
Китайчушки в длинных юбках
И седые китайчи,
А чуть выглянешь в оконце:
Словно панда, в небе солнце
Проплывает по-китайски,
Рассыпая вниз лучи.

Чистюля бабалайка

Четыре юных бабалайки
Пошли на Лаго-На-Наки,
У них плащи, непромокайки
И грузовые рюкзаки.
Вдруг бабалаечка девчушка
Сказала: – Ёхр оксидок!
А есть ли на Наки речушка
Для омовенья рук и ног?!
И ей ответил бабалаец,
Кривя глазами, словно чёрт:
– Мне рассказал заезжий заяц,
Что на Наки река течёт.
Побагровела бабалайка:
– Ты врешь мне старый бабалай!
Я девочка, снежинка, зайка,
И мне речушку подавай!
Надену розовую майку,
Уеду летом на Алтай!